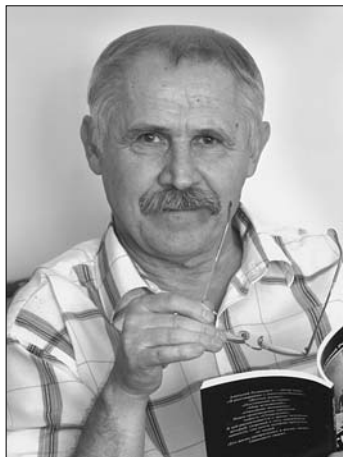

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ПРАЗДНИКИ МОЕЙ ЮНОСТИ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Праздники бывают разные: религиозные, международные, государственные, традиционно-фольклорные. И живут они в народе по-разному: одни — тысячу лет, другие — семьдесят, пятьдесят лет или меньше. Это и предсказать трудно: какой праздник приживётся, а у какого будет короткий век.

В моём городке народ послушный, осторожный в высказываниях, искренне преданный народным традициям в праздновании значительных дат, связанных с религией или народными верованиями. Наиболее известные праздники — Коляды, Пасха, Троица, Старый Новый год. В советские времена закрепились ещё и другие — 1 Мая, 7 Ноября (день Великой Октябрьской социалистической революции), День Советской армии, Международный женский день 8 Марта, а совсем недавно стали отмечать еще и День города. Нелегко приживаются иные праздники, например, День конституции и День национального флага и герба. Что-то удерживает горожан от желания в едином душевном порыве отмечать государственные праздники. Трудно привыкаем к сознанию, что живём в самостоятельной и независимой стране — всё кажется, что это временно, ненадолго, как не однажды уже случалось в истории. Праздник должен каким-то образом влиять на человека, отвечать его душевному состоянию, укреплять объединение наций, патриотизм. Когда все вместе, то и празднуется веселей, и горе переносится легче. Одно скажу: сколько себя помню, в городе самые любимые и ожидаемые праздники — религиозные. Зимой — Рождество, Коляды. Этот день (7 января) чаще бывает снежный и морозный.

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

Окончился пост. Поэтому накануне в печке готовят кутью, а в праздничный день на столе будет и мясо. Однако не только едой, как говорится, сыт человек. Нужно одеться потеплее и собираться в церковь на праздничную вечерню.

Мы с дедом оставались одни, пока бабуля была на богослужении. Темнеет, разумеется, рано. Никуда не хочется идти, ибо знаешь, что вот-вот принесут к окну Звезду и будут петь Рождество Христово. Вот уже слышно, как скрипит снег под ногами, значит, подходят к нашему дому. Младших берёт на руки отец и подносит к окну, чтоб малыши впервые увидели Звезду. Я уже подросток, и потому осторожно подхожу сам. Звезда большая — на двенадцать лучей. Говорят, в честь двенадцати апостолов Христа. В середине Звезды горит большая свеча, а за ней видна икона Божьей Матери с младенцем. На небе — полная луна. Могу подсчитать певцов. Их семеро. Тот, кто держит на толстой жерди Звезду, — это, как говорит дед, наш родственник Павел Калько. Он от природы сильный. Надо быть очень крепким, чтобы удержать тяжёлую Звезду. Вот кто-то тянет за верёвочку и... чудеса, Звезда начинает крутиться. Икона посередине неподвижна, а вокруг неё все двенадцать лучей крутятся. Мужчины в тулупах поют: “Христос родился, Богом крестился...” Один из певчих заходит в наш двор, стучит в стекло, мол, выноси, хозяин, деньги. Дед берёт монету и даёт мне: “Дай людям, внучек”. Страшновато выходить в сени, но что делать, выношу деньги. Как только дядька возвращается к своим, певчие прекращают славословия и идут к соседней хате. Надо до полуночи, пока люди не легли спать, обойти три квартала. Рассказывали, что как-то Звезду носили в двенадцать часов ночи. Очень хочется пойти вслед за поющими, но... боюсь. Да и бабуля возвращается из церкви, останавливает меня: “Куда тебе за ними! Там большие дядьки. Ложись спать. Слава Богу, дождался Рождества...”

Утром бабушка не может меня удержать. Мы с сыном партизана берём рожок, который мы смастерили накануне, зажигаем в нём свечку, подставляем его под окна соседей и поём свои рождественские песни. Волнуемся.

На другой стороне улицы наши одногодки тоже колядуют. Первые конкуренты. Однако никто не дерётся и не ругается. Улиц хватает. Выбираемся в центр города и начинаем обход с другой стороны. Зарабатывали в этот праздник себе неплохую копейку. Хватало и на кино, и на конфеты, и на клюквенную газировку. Усталые, но счастливые возвращались домой. Вкусно обедали: картошка из печки, на сковородке яичница, квашеная капуста, солёные огурцы, котлеты.

За столом празднично одетый дед: полотняная сорочка, добротные брюки, заправленные в начищенные сапоги. У деда-сапожника сапоги высшего класса.

Он с друзьями собирается идти праздновать Рождество Христово в город в чайную. Ждёт, когда его друзья Ефим и Иван постучат в окно: “Выходи, Змитрок!” Бабушка в этот день не возражает, не ругается: “Ну, куда тащишься? Холодища на улице”. Она очень любит деда. Праздник всё же, отдохнуть надо.

А мы с ребятами берём лыжи и — на Церковную гору. Там и небо ближе, и солнце теплее. Глянешь в эту высь, в синеву неба и думаешь — там Бог и Сын Его Христос радуются, что мы помним про них да хвалу им поём. И хочется верить, что они нас видят. Так хочется... до слёз.

“КОНИКИ”

Этот уникальный праздничный карнавал встречи Нового года по старому стилю в Давид-городке — явление не только местечковое. Во многих странах в мире проходят карнавалы: в Бразилии, Германии, Австрии, Ирландии, Венгрии... Чем отличается городокский? Тем, что проводится он вечером. Все карнавалы — дневные, а наш — ночной. Никто не знает точно, сколько ему лет. Если учесть, что сигналом к шествию служила труба, то, скорее всего, традицию заложили военные. Вначале ходили поздравлять солдаты, музыкант, “коник”, а чтобы было пострашнее, — и человек с косой

как символ смерти. Со временем появились новые маски. Откуда их взяли? Из окружающей среды. Дед, баба, коза, медведь, цыган и “коник”, которого делали из кошёлки и валенка.

Традиция сохраняется и передаётся из года в год, от старших к младшим.

Я застал время середины XX века, когда власти всех, кто каким-либо образом был связан с религией, не жаловали, даже слегка припугивали. Милиция и дружинники не пускали “коников” в центр города. Но хватало улиц и подальше от центра. К празднику готовились заранее. Я брал домой из школы горн, будто бы для того, чтоб почистить его и натереть до блеска. Кто-то одалживал у деда кожух, выворачивал его и был бараном или козой. Одеться дедом или бабой было легче. Голову медведя лепили из папье-маше. В ней было тяжело дышать, не хватало воздуха, но чего не сделаешь, чтобы отпраздновать, да ещё и заработать денег. Если в доме у хозяев не было денег, давали кусок сала, колбасу, булку. Ходить по снегу тяжело, снег набивался в сапоги, ноги мёрзли. Позже пошла мода на гармонистов. Труба ушла на другой план. Если в доме не было света, не горела лампа, в те дома не шли. Не заходили и к очень старым, к вдовам. Не все пускали в дом, чаще выносили угощение на крыльцо. Угощали и водкой. В городке самогон не пьют. Мы, пятнадцатилетние, от водки отказывались. Нам хотелось только денег подзаработать. Иногда кто-нибудь нас пугал, говоря, что на улице видели милицию, и мы “давали стрекача”, убегали на другую улицу. И так с семи часов вечера до десяти.

Со временем отношение к этому празднику потеплело. Признала и власть старую народную традицию, редкое явление в Беларуси. Мастер масок Брезовский поставил изготовление масок разных героев сказок и голливудских фильмов на поток. Стали водить по городку “коника” и двенадцатилетние дети.

Когда-то запрет на празднование “коников” пугал людей, и чтобы не исчезла традиция, местные учителя тайно переодевались в ряженных и ходили по домам с поздравлениями. В доме надо было станцевать и обязательно спеть песню “Щедрый вечер”, пожелать хозяевам счастливого Нового года, богатого урожая, денег.

Сегодня колядовать ходят не ради денег, а больше по традиции, для забавы. В десять часов собираются в центре на площади до пятнадцати групп “коников”. Идёт смотр. Почти все горожане и гости из России, Канады, Украины на площади. Власти вручают дипломы и подарки, по предложению жюри лучшим вручают премии, на импровизированной сцене организовывается концерт.

А милиция, которая, кажется, ещё вчера гоняла нас, “коников”, теперь охраняет колядующих. Как быстро всё меняется на этом свете! Теперь про “коников” знают во всём мире. Сегодня можно присоединиться к празднованию доброй и радостной, несколько озорной традиции и в интернете. У каждого местечка есть что-то особенное, а у городчков — “коники”, и они этим гордятся. Пойте вместе с ними “Щедрый вечер, святой вечер”, и холодным зимним вечером вы почувствуете тепло на сердце и уют в доме.

*Звоники, звоники,
На улице коники,
Звоники, звоники,
Это праздник “Коники”.*

Вечер тонет в теплоте улыбок, веселья, радости.

ПАСХА

Праздник Октябрьской революции был самым важным государственным праздником, прежде всего, для властей и служащих бюджетных организаций, а христианский праздник Воскрешения Иисуса Христа — Пасха — самый важный праздник для Церкви и простых людей. Пасху празднуют без принуждения и обязательств — по воле сердца и веры.

Когда-то даже в семьях коммунистов тайно красили пасхальные яйца и пекли куличи. Надо отметить и то, что в Давид-Городке власти никогда не закрывали церковь. Это исторический факт.

Празднуют Пасху, как известно, весной, когда много солнца, и от этого теплого голубого неба, от первой зелени ещё больше радости в сердце.

К празднику готовятся заранее: убирают в доме и вокруг него, вечером пекут куличи и красят яйца.

На следующий день женщины и дети несут лакомства в церковь, а мужчины стоят за оградой и наблюдают, как обходит всех священник и святой водой окропляет куличи, крашеные яйца, людей. Хочется, чтобы святая вода коснулась и твоего лица.

Возвращаться из центра города домой никто не спешит. Христосуются со знакомыми, трижды целуются. У нас, у подростков, такой моды ещё нет. Девчата стесняются, наблюдают, как мы играем в битки: бьём яйца, если скорлупа треснула — надо отдать яйцо тому, у кого оно целое. Мне не везло, всегда проигрывал. Был у нас один парень с Выгона (квартал в городке), у него была битка, из которой шприцем вытянули желток и белок, а внутрь он залил воск. И такое случилось... Это был обман, но не злой — шуточный.

Пожилые люди в центр особо не ходили, собирались на лавке возле какой-нибудь хаты. И мой дед коротал там время с друзьями. Рассказывали кто что помнит, порой спорили: кого ещё вместе с Христом распяли, путали имена, вспоминали заповеди.

На улице мужчины никогда не пили ни самогонки, ни водки, знали, что жена дома накроет стол и обязательно нальёт сто граммов к праздничному обеду.

Вечером мой дед брал Евангелие и доказывал своим друзьям, что правильно назвал имена разбойников, которые страдали вместе с Христом. Любил, чтобы правда была на его стороне.

Женщины тоже собирались вместе, обсуждали службу в церкви.

Праздник почитали. Мой дед никогда вечером не молился, а на Пасху крестился перед иконами, по-своему читал молитву “Отче наш”. Глядя на него, и я крестил грудь и лоб. Бабуля за это нас хвалила.

Танцев в этот день в клубе не было. Мы с друзьями ещё немного гуляли по центральной улице, потом расходились. Ещё от предков нам в наследство достался обычай отмечать этот день своеобразным салютом: мы поджигали еловые шишки и бросали их вверх. Было в этом что-то таинственное. От ветра шишки светились. Огоньки в тёмном небе казались нам глазами ангелов.

А ночью мне не спалось. Бередили душу светлые мечты, не хотелось расставаться с радостно-щемящим праздником. Хотелось жить и мечтать.

1 МАЯ

У меня в руках старая фотография — это наш одиннадцатый класс на первомайской демонстрации. Молодость узнаётся сразу: почти каждый на снимке улыбается — от того, что просто молодые, что так хорошо просто жить, любить, мечтать о будущем. К сожалению, не всё всегда сбывается. Случаются на пути неожиданности, и часто неприятные. Смотрю с нежной грустью. Уже почти половины класса нет на нашей земле. А как бы хотелось вместе перевернуть страницы жизни на пятьдесят пять лет назад.

Первомай — это международный праздник трудящихся. В городке в то время не было ни фабрик, ни заводов. Поэтому отмечали его учителя, врачи, работники культуры, представители местной власти.

Собирались за час до начала шествия. Классный руководитель отвечал за свой класс. Празднично одевались, наверное, только девчата. Самое неприятное, когда нам почти принудительно предлагали нести какой-нибудь транспарант. К палке был прибит небольшой круг, на котором на фоне цветущей яблоневой ветки написано: 1 Мая. Девчата несли цветы. От школы до центра города — полтора километра. Двигались колонной, каждый класс со своим руководителем. И хотя у нас классным был мужчина, дисциплины

не наблюдалось. Били по каблукам тех, кто шёл впереди. Толкали в бок и щипали за локти девчат. Тогда руководство всей колонной брала на себя пионервожатая школы Нонна Семёновна. Она не ругалась, а вежливо просила вести себя тактично. И мы её слушались. Была она человеком мягким, часто подменяла захворавшего учителя. На её уроках баловались. Надо сказать, что у Нонны Семёновны не было одной руки, но она как бы не обращала на это внимания. Замечательно пела. Мы вместе с ней пели песню “Ленинград” Соловьёва-Седого. Ладно у нас это получалось. Даже “на бис” вызывали.

В центре города возглавлял колонну председатель горсовета со своей свитой и духовой оркестр. Шли через мост к стадиону. Бодрые марши поднимали настроение. На стадионе слушали докладчиков — про праздник 1 Мая и достижения города в социалистическом соревновании. После торжественной части люди шли к ларькам потребкооперации, покупали детям конфеты-подушечки, себе — колбасу и пиво. Всех охватывало бодрое настроение.

Мы классом держались вместе, фотографировали друг друга, шли в центр к скверу, в котором могли без учителей отпраздновать Первомай повзрослому, с яблочным вином.

Нонна Семёновна — она жила недалеко от сквера — грозила пальцем, стыдила нас. А мне лично делала замечание: “Жора, не учишь пить эту гадость. Потеряешь голос, как мы тогда будем петь?”

Неожиданно одноклассница Лариса произнесла: “Люди, это ж наш последний Первомай вместе... Понимаете вы это?” И на глазах у неё появились слёзы.

Добрый, тёплый праздник — с музыкой, улыбками, солнцем.

“Запоминайте каждую минуту. Кто знает, куда вас заведёт судьба”, — сказала Нонна Семёновна. Кто-то взял первый аккорд, и все подхватили: “Сиреневый туман над нами проплывает...” А возле кинотеатра “Заря” духовой оркестр заиграл вальс. Девчата подхватили ребят и начали танцевать. Долго не расходились, а вечером вновь собрались в клубе на танцах.

После этого Первомай нашему классу больше не довелось собраться на праздник трудящихся всего света.

Через десятки лет я получил письмо от Нонны Семёновны, в котором она вспоминала про праздники и приглашала навестить родину. Ей очень хотелось спеть вместе нашу любимую песню Соловьёва-Седого.

К сожалению, когда мне случилось приехать на родину, я опоздал: умерла наша пионервожатая неожиданно. Шла по мосту, внезапно упала. Так завершился земной путь этой доброй и чуткой женщины.

Щемящей волной накатывают воспоминания про этот добрый, весёлый Первомай с доброй улыбкой Нонны Семёновны, которая всех любила и которую любили все.

7 НОЯБРЯ

Безусловно, в то время, про которое я вспоминаю, это был самый важный праздник для властей. Готовились к празднику заранее, с лета начинали подыскивать социалистически-коммунистический репертуар для большого праздничного концерта в клубе. В Городке жили военные, охраняли полигон, да ещё связисты на горе следили за эфиром, так что военного парада с техникой не было. Телевизоры имелись у одного-двух инженеров колхоза “40 лет Октября”.

Центром празднования служил Дом культуры, а мы, участники самодеятельности, — главными действующими лицами. Из Столина приезжал инспектор отдела культуры и подчёркнуто внимательно интересовался программой концерта и планом проведения мероприятия. “На сцене обязательно должен быть бюст Ленина, на столе — красная скатерть. В программу включить поэму Маяковского “В. И. Ленин”, — часто повторял озабоченный инспектор. “Поэму тяжело выучить”, — тихо отвечала директор Дома культуры. “Хоть отрывок, но прозвучать должен”, — настаивал представитель власти.

Украшали город традиционно: государственные учреждения, школы, Дом культуры, горсовет, милиция, больница, Дом пионеров, баня — все вывешивали флаги. Возле пожарной части устанавливали щит с надписью: “Слава Великому Октябрю”.

В клубе, который размещался в бывшем костёле, было холодно, и присутствующие сидели в тёплой одежде. Народу всегда собиралось много. Кроме служащих, приходили и простые люди, интересующиеся, главным образом, концертом. А самодеятельность была на достаточно приличном уровне: голосистые певцы, танцоры, музыканты, хор, который каждый год пел одни и те же три песни: “Красная гвоздика”, “Наш паровоз” и “Ленин всегда живой”.

Торжественную часть начинал и вёл председатель горисполкома. Учитель, обычно историк, делал доклад о Великой Октябрьской революции. Представитель райкома вручал дипломы и грамоты победителям социалистического соревнования. Зрители аплодировали, ждали концерта. Торжественная часть заканчивалась, и наши артисты нетерпеливо ждали своего выхода на сцену. Они любили славу и аплодисменты.

Отрывок из поэмы Маяковского директор в этот раз поручил выучить мне как ведущему концерта. Концерт проходил на подъёме, и зрители благосклонно встречали каждый номер. Надо сказать, что меня в роли артиста любили. Не успел я выйти на сцену — зал разразился аплодисментами. От такой славы я растерялся, и в том месте, где “Ленин и теперь живее всех живых”, выдал: “Ленин и теперь здоровее всех здоровых”. Зал от неожиданности ахнул. Было много школьников, которые знали текст. Я ушёл со сцены. За кулисами директор заставила меня начать сначала. Я снова бодро вышел на сцену. В первом ряду сидели с каменными лицами злые представители местной власти и гость из райкома партии. Я спокойно дошёл до казусного места и выдал: “Ленин и теперь живее и здоровее всех здоровых”. Что делалось в зале! Я снова сбежал со сцены. Не знаю, получил ли выговор директор Дома культуры, потому что я две недели не рисковал приходить на репетиции. Кое-как концерт довели до финала. Духовой оркестр, который начинал вечер гимном, заиграл марш. Молодёжь осталась на танцы. Мои друзья подбадривали меня: “Ну, ты и выкинул номер! Хохма!” Гости из района повели угощать в чайную.

Коммунисты праздновали дома за праздничным столом.

Не помню, чтобы дочку одного из организаторов первого революционно-военного комитета Петровца учительницу Майю Карповну в городке лично награждали или сердечно прилюдно приветствовали на сцене. Дослужился Карп Петровец до комбрига и погиб где-то в ГУЛаге. В то время это не слишком беспокоило людей, и своими ветеранами Отечественной войны гордились тоже мало. Люди принимали сторону властей... Иной раз возле чайной старый матрос из Питера (жил такой в Городке), подвыпив, говорил: “Нужна, нужна была революция. Народ был быдлом. Одни купались в роскоши, а большинство погибало от голода. Я пошёл с матросами в революцию хотя бы потому... чтобы похоронили как человека — с оркестром и под красным флагом. А молодёжь думает, что всё так и было. Теперь все паны, только учись... Эх, как быстро всё забывается!”

У всех на душе было тепло. Всё-таки праздник. Есть работа, свой дом, дети растут, мирное небо. Что ещё человеку надо?..

Празднование всегда шло по шаблону, менялись только представители от райкома партии да номера концерта. Отрывок из поэмы “Ленин” заменили на стихотворение Я. Купалы “А хто там ідзе?” На всякий случай и читать его поручили другому исполнителю. Меня отстранили, видно, боялись, что я в эйфории от славы лягну: “А хто там паўзе?” Я не обижался. От этого праздничное настроение не портилось.

С каждым годом уменьшалось число участников и свидетелей тех далёких лет, постепенно угасал и подъём трудящихся масс. Сегодня в этот день почему-то вспоминаю старого матроса из Питера и его слова: “Эх, как быстро всё забывается!”